

Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries / G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds). Berlin–Boston: De Gruyter, 2015 (Trends in Classics, Vol. 7, No. 1. Special Issue). 179 p.

Резкий рост внимания к вопросам, связанным с Солоном, в мировой историографии последних 20–25 лет не подлежит никакому сомнению. Он просто-таки бросается в глаза, особенно по контрасту с предшествующей парой десятилетий (1970-е и 1980-е годы), когда о Солоне, наоборот, писали чрезвычайно мало. Одним из последних свидетельств своеобразного «солонического ренессанса» является как раз тот коллективный труд, который нами здесь рецензируется.

Эта книга, кстати, в высшей степени характерна и тем, что вполне отражает те подходы к ее «заглавному герою», которые ныне решительно преобладают в антиковедении. Ныне Солоном занимаются преимущественно не историки античности (одним из достаточно редких исключений продолжает оставаться Питер Ролс), а филологи-классики. Поэтому не удивительно, что Солон теперь интересен своим исследователям не как реальный исторический деятель, крупнейший политик и законодатель архаических Афин, а либо как автор (его стихам был посвящен целый ряд монографий¹), либо, напротив, как персонаж, фигурирующий в произведениях других античных авторов (Геродота, Платона, Аристотеля, Плутарха и др.).

Как раз в ключе того подхода, что указан последним, написана работа «Солон в процессе формирования: ранняя рецепция в V–IV вв. до н.э.». Ее ответственные редакторы – Грегори Надя, выдающийся американский антиковед, которого отчасти считают своим союзником (может быть, не во всем справедливо) представители деконструкционизма в современной классической филологии², и Мария Нуссия-Фантуцци, которую, пожалуй, можно на сегодняшний день назвать специалистом, наиболее интенсивно занимающимся поэтическим творчеством Солона (предпринятое ею издание фрагментов солонических стихов³, сопровождаемое фундаментальнейшим комментарием, теперь, конечно, должно стать настольной книгой для каждого, кто приступает к изучению соответствующей проблематики).

Именно Г. Надя и М. Нуссия-Фантуцци написали Введение к книге (с. 1–7). Перед тем, как перейти к его характеристике, представляется необходимым оговорить ключевую коллизию, связанную с изучением ранней традиции о Солоне. Этот последний жил, действовал и писал во второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. (традиционно в справочниках приводятся такие даты его рождения и смерти: ок. 640–559 гг. до н.э., и они в целом верны). Самые ранние свидетельства источников о Солоне принадлежат самому Солону (они содержатся в его поэзии), а после того имеет место достаточно значительная хронологическая лакуна – более столетия, поскольку следующие по времени упоминания о знаменитом мудреце появляются лишь во второй половине V в. до н.э., у Геродота и комедиографов.

Рецензия подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018 «Законодательная и реформаторская деятельность Солона в контексте истории архаической Греции».

¹ См. хотя бы Anhalt 1993; Mülke 2002; Almeida 2003; Irwin 2005; Lewis 2008; Noussia-Fantuzzi 2010.

² Как характерный образчик см. итоговую работу Надя о Гомере: Nagy 2010.

³ Noussia-Fantuzzi 2010. Отметим, что эта исследовательница не относится к числу самых «ярких» деконструкционистов. Так, она решительно не принимает выдвигавшийся в 2000-е годы тезис о неаутентичности самих стихов Солона (Lardinois 2006; Stehle 2006), и ее позиция уже тогда была куда более умеренной (Noussia 2006).

Кстати, характерен сам тот факт, что они содержатся у писателей либо афинского происхождения, либо тесно связанных с афинским полисом (таковым, вне сомнения, являлся «отец истории»⁴). И это далеко не случайно: именно для афинян Солон был в полной мере парадигматичной фигурой, воспринимался ими и как первый крупный аттический поэт (таковым его и в действительности можно назвать⁵), и как главный «отец-основатель» их политики, с которым часто связывали рождение демократии в Афинах (связывали, естественно, неоправданно⁶). Между прочим, именно в подобном духе (складывание образа Солона как основоположника демократического устройства) ранее обычно писались очерки по проблеме эволюции нарративной традиции о данном деятеле⁷, имевшие, впрочем, всегда формат статей. Теперь же перед нами — опыт более объемного (причем, повторим, коллективного, с привлечением ряда весьма квалифицированных специалистов) исследования на ту же тему.

Исследование это, — полагаем, сознательно, — было ограничено определенными хронологическими рамками, включающими в себя только классическую эпоху. Поэтому за его пределами остался, например, такой достаточно интересный сюжет, как «Солон у Плутарха»⁸.

Однако пора уже обратиться к непосредственному изложению содержания рецензируемой работы и начать его, понятно, с вышеупомянутого Введения. В нем Надь и Нуссия-Фантуцци, как часто практикуется, кратко излагают итоговые тезисы авторов вошедших в книгу статей, но, помимо того, и высказывают некоторые достаточно оригинальные суждения.

«При изучении истории политических достижений, приписываемых Солону как законодателю афинян, необходимо изучать также и параллельную историю. Рецепция Солона как политического деятеля дополняется его рецепцией как мудреца, говорящего в стихах о своей жизни и своих временах. Поэзия, приписываемая Солону, должна анализироваться в историческом контексте прозаических текстов, передающих содержание этой поэзии, иногда дословно цитирующих ее, в других случаях парафразирующих ее средствами прозы» (с. 1).

Этим пассажем начинается Введение, а стало быть — и вся книга. Если отвлечься от несколько замысловатых формулировок, присутствующих здесь, то легко заметить основную интенцию авторов, а ее можно охарактеризовать как в какой-то степени деконструкционистскую. Кроме того, сразу видно, что Солон будет рассматриваться в первую очередь как поэт и мудрец, запечатленный в позднейших текстах, а не как фигура политическая. Именно так, увы, сейчас в основном и работают⁹; похоже, исследователи просто пасуют перед «реальным» Солоном, а когда не пасуют — то подчас выдают чистейшие образчики филистерства¹⁰.

Кстати, Надь и Нуссия-Фантуцци оговаривают, что «применительно к исторической рецепции Солона более точным английским переводом слова *sophos* как прилагательного было бы слово *skilled*, описывающее человека искусного в понимании поэзии и словесности в целом» (с. 1). «Наш проект, — продолжают они, — имеет свою теоретическую основу в интертекстуальности, несмотря на трудности, связанные с ее изучением в греческом языке доэллинистического времени... Главные вопросы, ставящиеся в каждой главе этой книги, таковы: “где Солон?” и “что значит имя Солон?” у того или иного автора либо в том или ином литературном жанре» (с. 3–4). Налицо формулировки, вполне подтверждающие то, что нами было сказано выше: не Солон-человек интересует ученых, принявших участие в написании рецензируемого труда, а, так сказать, Солон-символ.

Основная часть работы открывается статьей Х. Телла, которая озаглавлена «Солон и греческая традиция мудрости» (с. 8–23); но более подходящим названием для нее, учитывая ее действительную тематику, было бы, пожалуй, «Солон и софисты». Именно отражение фигуры афинского мудреца у этой группы философов V в. до н.э. прежде всего является предметом анализа для

⁴Подробнее см. Surikov 2011a, 362 слл. (со ссылками на предшествующую литературу).

⁵Если, конечно, не придерживаться парадоксальной точки зрения, согласно которой «Илиада» была создана в Афинах (Sauge 2000).

⁶Tsigarida 2006; Sagstetter 2013.

⁷См., например, Ruschenbusch 1958; Oliva 1973a; Mossé 1979; David 1984; Hansen 1989.

⁸Но он ранее был весьма подробно освещен в литературе. См. хотя бы Mühl 1942; Paladini 1956; Averintsev 1965; Manfredini, Piccirilli 1977; Ruschenbusch 1994; Surikov 2005; Blois 2006.

⁹Редкое исключение — недавняя диссертация: Sagstetter 2013, с провокативным (и слабо доказанным диссертантом) тезисом о том, что Солон был фактически тираном Афин, разве что не назывался таковым. Лишь немногим более сильна монография Stanley 1999.

¹⁰Как в кн.: Barta 2011.

Телла. На содержании этой статьи, ее достоинствах и недостатках мы достаточно подробно останавливаемся в другом месте¹¹ и, дабы не повторяться, здесь скажем о ней гораздо более кратко.

Разумеется, не приходится сомневаться в том, что представители софистического движения (или, по крайней мере, многие из них) знали о Солоне и его наследии. Однако, как отмечает Телл, «в сохранившихся письменных источниках мало прямых связей между Солоном и софистами» (с. 8). Из дальнейшего изложения, собственно, оказывается, что таковых не просто мало, а вообще практически нет. Чуть ли не единственное исключение — свидетельство о родственных отношениях между Солоном и Критием, знаменитым софистом второго поколения, одиозным лидером «Тридцати тиранов». Но даже и у Крития, в дошедших фрагментах его сочинений, ни одного упоминания о Солоне не содержится.

Итак, приходится признать, что прямая информация об апеллировании софистов к Солону отсутствует в принципе и, следовательно, остается обращаться исключительно к косвенной. Именно так и делает Телл, анализируя, в частности, традицию о такой проблематичной фигуре, как Мнесифил, будто бы являвшийся искомым «связующим звеном» между Солоном и софистами.

Однако исследователь, во-первых, упускает из виду одно прямое указание на Солона в произведении софиста, а именно Алкидаманта (ар. Arist. Rhet. II. 1398b10 sqq.). Бесспорно, Алкидамант — достаточно второстепенный и поздний представитель движения, но в данном случае это не столь принципиально: главное, что наличие хотя бы одного свидетельства — это уже не «чистый ноль». Во-вторых, мы убеждены в том, что в контексте темы «Солон и софисты» следовало бы уделить большее внимание Антифону (его Телл фактически игнорирует — упоминает лишь единожды, да и то мимоходом: с. 14). Вопрос «Антифонт и Солон» представляется нам перспективным; недавно мы попробовали им специально заняться (кажется, впервые в мировой историографии), и выводы получились довольно интересные¹².

Обычно, замечает Телл, именно софистов считают первыми в древнегреческой мысли проводниками идеи согласия (ὁμόνοια) в государстве; однако в действительности идея эта коренится уже в дискурсе, присущем архаическим законодателям, а крупнейшим из последних был как раз Солон. Далее, он нередко именуется в источниках софистом (подчеркнем, со своей стороны, что в данном случае, конечно, слово σοφιστής следует понимать в широком, не-терминологическом значении, софистом ведь называли и Пифагора¹³, и многих других ранних мудрецов), а Исократ так и вообще характеризует его как ритора, допуская уже явный анахронизм (риторика — изобретение софистов V в. до н.э.)¹⁴. Дело, очевидно, в том, что в IV в. до н.э. Солон изображали, помимо прочего, и как основоположника общего образования в Афинах (например, Aeschin. I. 9–12), то есть как предтечу образовательной деятельности софистов, открывавших риторические школы.

Завершает Телл свою статью словами: «...мы не смогли выделить отдельного влияния Солона на софистов. Напротив, его сохранявшееся интеллектуальное наследие, возможно, в большей степени порождено его включением в высоко ценимый круг Семи мудрецов» (с. 23).

Следующая статья, «Солон в лирике V в. до н.э.» (с. 24–42) написана Т. Фигейрой. Уже из ее заголовка видно, что проблема в ней ставится в известной мере парадоксально. Ведь в сохранившихся стихах лирических поэтов указанного столетия (имеются в виду Пиндар, Вакхилид, поздний Симонид, а также явно часть стихов «Феогнидова корпуса») нет *ни единого* упоминания имени Солона. Таким образом, вообще нельзя говорить о текстах лириков как источниках в какой бы то ни было связи с солоновской проблематикой (разве что в качестве самого общего контекста). Но, напомним, уже во введении к рецензируемому труду было сказано, что его авторов будет интересовать не столько проблема источников, сколько проблема «интертекстуальности». Как раз в данной связи представляется достаточно перспективным посмотреть в сопоставлении на стихи лирика Солон и стихи великих лириков ранней классики: найдутся ли какие-нибудь точные соприкосновения, обнаружится ли влияние первого на вторых?¹⁵

¹¹ Surikov 2017.

¹² Surikov 2015.

¹³ Zhmud' 1994, 27.

¹⁴ Хотя иногда в литературе допускается наличие в стихах Солон элементов некоей «проториторики» (Noussia 2006).

¹⁵ Поиском такого влияния, разумеется, занимались и раньше. Например, по теме «Солон и Пиндар» см. Newman 1982.

Собственно, именно с этого Фигейра и начинается: «При оценке воздействия Солона на лирическую поэзию V в. до н.э. необходимо определить, что значили для поэта классической эпохи Солон и солоновская поэзия. Естественно, ключевыми для исследования являются пассажи, демонстрирующие интертекстуальность по отношению к солоновским, но даже в случае с ними, учитывая отсутствие прямых атрибуций, идентификация источников остается ускользающей от нас» (с. 24).

Далее высказывается мнение, что поворотный пункт в процессе распространения стихов Солон наступил в 450-х годах до н.э.: тогда-де стало доступным некое издание солоновских стихов и их читали наизусть мальчики на афинском празднике Апатурий. Ясно, что ссылка дается на «Тимей» Платона, где о чем-то подобном говорит персонаж диалога Критий: он, дескать, в детстве в числе других мальчиков выступал с этими самыми стихами. Вопрос, однако, заключается в том: что это за Критий? Если вышеупоминавшийся софист-олигарх, то датировка Фигейры приблизительно верна (хотя мы считаем, что этот Критий, вопреки традиционному мнению, родился не около 460, а около 450 г. до н.э., поскольку был примерно ровесником Алкивиада¹⁶). Однако после просопографического исследования Д. Нейлс все больше набирает силу мнение (которое в последнее время и мы склонны считать верным), что у Платона в «диалогах об Атлантиде» фигурирует не этот Критий, а его дед, носивший то же имя¹⁷: подобное предположение снимает очень многие серьезные хронологические проблемы. Если оно верно, то датировка Фигейры теряет какую-либо силу.

А ведь ученый делает на ее основе достаточно серьезные выводы. Например, такой: если афинские мальчики-школьники с 450-х годов до н.э. учили стихи Солон, то ведь крупнейшие лирики этой эпохи — Пиндар и Вакхилид — не были афинянами, поэтому ничто не предполагает хорошее знание ими солоновской поэзии. Перспектива изменится, если исходить из того, что солоновская поэзия была хорошо известной афинянам уже в VI в. до н.э. Пиндар в Афинах, соседних с Беотией, конечно же, бывал; а уж относительно Вакхилида — поэта родом с Кеоса — тем более сомневаться не приходится.

Фигейра в своей статье отмечает некоторые корреляции между раннеклассическими лириками и Солоном (наиболее убедительной выглядит параллель между Pind. Pyth. II. 81 sq. и Sol. fr. 24. 26–27 Diehl — образ волка-одиночки), а также и расхождения. В частности, в сохранившихся солоновских фрагментах вообще не фигурирует лексема *φθόνος* (зависть), столь частая у того же Пиндара¹⁸.

Весьма близка по общему духу к предыдущей следующая статья — «Солон в трагедии» (с. 43–65), автором которой является М. Нуссиа-Фантуцци. Сходство ситуации заключается прежде всего в том, что у трагедиографов V в. до н.э. точно так же нет *ни единого* упоминания имени Солон. Разумеется, и это никоим образом не означает, что солоновские стихи не были известны, скажем, Эсхилу. Безусловно, были известны, и опять же оказали определенное влияние на творчество последнего¹⁹.

Тем не менее Нуссиа-Фантуцци честно признается: «сверка Эсхила с Солоном редко дает прямые дословные переклички» (с. 65). На самом деле «редко» — скорее эвфемизм, а следовало бы сказать «практически никогда». Не иначе по сравнению с Эсхилом обстоят в данном отношении дела и с Софоклом, Еврипидом. Таким образом, исследовательнице даже в рамках «интертекстуального» подхода не так-то много удастся сказать, да и то по большей части в максимально общем плане.

Ее наблюдения имеют, например, следующий вид: «Солон в своих стихах выдвигает много насущных тем афинской политической жизни, которые всё еще играют значительную роль в текстах афинской трагедии. Например, различные моменты, которые для Солон не более чем маргинальны, становятся базовыми пунктами эсхилинской идеологии афинского гражданина и афинского полиса. Моя общая цель в этой главе — обрисовать этику, которую мы обнаруживаем в эсхилинской, а временами также еврипидовской и софокловской поэзии с точки зрения коррелирующих типов этики, которые мы находим в поэзии Солон» (с. 43). «У Солон справедливость не пребывает в божественном мире (как у Гесиода), а укоренена в мире человеческом, как видно из употребления термина *themethla* (“устой”) в строке οὐδὲ φυλάσσονται σεμνὰ Δίκης θέμεθλα, “не

¹⁶ Surikov 2011b, 234.

¹⁷ Nails 2002, 106 ff.

¹⁸ Геродот, заметим, приписывает Солону идею зависти богов (Hdt. I. 32). О теме «Солон и Геродот» см. ниже.

¹⁹ Ameduri 1970–1971; Pötscher 1987; Dovatur 1989, 102–113.

соблюдают совсем Правды устоев святых»²⁰. Это подхватывается трагедией» (с. 51, и тут же для подтверждения данного тезиса приводится пара цитат — Aeschyl. Choeph. 645–646; Aeschyl. Eum. 538–539, — которые, на наш взгляд, вовсе не являются близкими параллелями к вышеприведенной мысли Солона).

«Мы попытались показать, — завершает свои рассуждения Нуссия-Фантуцци, — что трагедииографы V в. до н.э. и их аудитория (или ее часть), возможно, в первую очередь думали о Солоне как *locus classicus* по многим политическим и социально-этическим вопросам... Конечно, превращение стихов, приписываемых Солону (опасная формулировка, которой в своих предыдущих работах исследовательница все-таки обычно избегала. — И.С.), в исходный стержень демократии — было утопией, поскольку являлось вторичным прочтением прошлого под иной перспективой V в. ... Солоновские идеи способствовали артикулированию некоторых вопросов, поднимаемых в драмах...» (с. 65).

Все эти рассуждения представляются чрезмерно общими. Да и в целом только что разобранный текст не произвел на нас очень благоприятного впечатления, не показалась в полной мере информативной. В данном плане резкий контраст по отношению к ней составляет следующая — «Солон в комедии» (с. 66–84), хотя ее автор, Р. Мартин (весьма видный филолог-классик), тоже является постмодернистом (впрочем, умеренным)²¹.

Дело в том, что как раз у афинских комедиографов классической эпохи, безусловно, имелись упоминания о Солоне²². И некоторое количество таких упоминаний даже сохранилось. О них подробнее говорится в вышеупомянутой статье²³, поэтому здесь опять же лишь кратко отметим, что в V в. до н.э. о мудреце-законодателе писали, как минимум, три автора комедий — Кратин, Аристофан и Евполид, в IV в. до н.э. — Филемон, Алексид, Евбул. Все соответствующие пассажи достаточно детально рассмотрены Мартином. Его ключевые наблюдения в связи с ними следующие: «Солон получил такое отражение на афинской комической сцене, что особенно выделялся один аспект — его деятельность как законодателя (*nomothetēs*), в то время как его поэтическая деятельность вряд ли отмечалась» (с. 66). Данное суждение представляется нам чрезмерно категоричным. Так, в одном из фрагментов Кратина (ὁμῶν εἷς μὲν ἔκαστος ἀλώλῃς δωροδοχεῖται, «каждый из вас — продажная лиса», Cratin. fr. 128 Kock) содержится практически несомненная пародийная аллюзия на соловские стихи (ὁμέων δ' εἷς μὲν ἔκαστος ἀλώπεκος ἔχνεσι βάλειν, «а каждый из вас ходит лисей походкой», Sol. fr. 8 Diehl).

Главной особенностью рецепции Солона аттическими комедиографами Мартин считает «его ассоциацию в общественном сознании со старинными Афинами лучших времен, со строгостью, демократической честностью, интересом к *paideia* в самом полном смысле этого слова, как к “приобщению к культуре”» (с. 82). Над Солоном в комедиях, конечно, шутили и подсмеивались (а как же иначе — ведь для писателей данного жанра предметом для шуток становилось абсолютное все, что попадало в поле их зрения), но смех этот был, в общем-то, добрым.

Следующая статья «Солон у Геродота» (с. 85–109, автор — А. Холльман) посвящена теме, по которой существует просто-таки колоссальная литература, так что перечислять ее даже не имеет смысла. Укажем только, что последняя по времени статья о том же сюжете была опубликована даже позже той книги, которая здесь рецензируется, — совсем недавно, в 2016 г.²⁴ «Солон, — с самого начала констатирует Холльман, — является важной фигурой в “Истории” Геродота: он появляется в начале труда и в связи с Крезовым логосом, который, как можно продемонстрировать, становится программным для остальной части “Истории”. Хотя Солон вскоре исчезает с главной сцены, высказанные им мысли находят отклик на всем протяжении труда» (с. 85). Далее исследователь обозначает задачи, которые он ставит перед собой: проанализировать рассказ о встрече Солона и Креза, уделяя особое внимание темам и идеям, ассоциируемым с Солоном (и давая, где нужно, сопоставление с фрагментами соловских стихов), а также, в порядке дополнения, рассмотреть остальные, краткие упоминания «отцом истории» великого афинянина и, в конце концов, поразмыслить над выбором Геродота — выделить именно Солона из круга «мудрецов», — над взаимным отношением между геродотовским Солоном и поэзией, приписываемой Солону, над тем образом Солона, который появляется в «Истории», над отношением Геродота к этому образу.

²⁰ Стихи Солона цитируются в нашем переводе по изданию: Solon 2014.

²¹ См. хотя бы Martin 2005; 2006; 2007; 2009; 2015; 2016.

²² О чем писалось и ранее. См. хотя бы Oliva 1973b.

²³ Surikov, 2017.

²⁴ Chiasson 2016.

Все это ожидаемо, поскольку традиционно: ведь именно подобного рода вопросы всегда и ставятся, и решаются в работах с заголовками «Геродотовский Солон», «Геродот и Солон», «Солоновская поэзия и геродотовская историография». А так как работ таких, повторим, весьма много, а priori трудно было предполагать, что Холльман, тем более в довольно небольшой по объему статье, скажет что-то принципиально новое. Похоже, этого и не произошло. Вот итоговые тезисы автора: «В труде Геродота появляется очень особенный Солон. Геродот сознательно обращается ко всем грекам, объясняя явления таким образом, чтобы их поняли все греческие общины... Вероятно, Солон также изображен им как панэллинская фигура: в интересах правдоподобия сохранены некоторые афинские детали, но в остальном он освобожден от специфически локального содержания. Определенные элементы, характерные для Солона поэтических фрагментов, узнаваемы и в геродотовском Солоне, подтверждая то же правдоподобие, но ясно, что для Геродота более важна характеристика Солона как *sophos*, нежели содержание законодательной и поэтической деятельности Солона. Очень похоже, что для афинян геродотовских времен было точно так же» (с. 108–109). На наш взгляд, эта мысль — скорее тривиальная, чем оригинальная. О том, что для Геродота и других авторов V в. до н.э. Солон — мудрец, а не политик, писали, как минимум, с 1950-х годов²⁵.

Статья К. Кери «Солон у ораторов» (с. 110–128) должна обязательно привлечь к себе внимание каждого, кто интересуется соответствующей проблематикой. Ведь, как бы то ни было, если посчитать в чисто количественном отношении, то среди упоминаний Солона в нарративных источниках классической эпохи наибольшая доля придется именно на тексты, принадлежащие аттическим мастерам красноречия. Разумеется, ценность содержащейся у них информации о Солоне крайне неоднородна, во многих случаях просто невелика или даже близится к нулю. Это прекрасно понимали, кстати, Э. Рушенбуш и А. Мартина: публикуя сводки свидетельств о законодательстве Солона²⁶, они, как правило, относили пассажи из ораторов куда-то в последнюю часть своих изданий. Дело, помимо всего прочего, и в том, что солоновские законы цитируются только ораторами IV в. до н.э. А ведь, как прекрасно известно, к началу этого века как раз завершилась продолжавшаяся около десятилетия реформа афинского законодательства²⁷, в результате которой был создан во многом новый свод законов, который, тем не менее, продолжали по традиции называть «законами Солона»²⁸. Соответственно, те законы, на которые ссылаются под названием солоновских ораторы поздней классики в своих судебных речах, сплошь и рядом Солону в действительности не принадлежат, что видно, так сказать, невооруженным глазом.

Собственно, именно об этом, о преображении самого образа Солона в произведениях ораторов, и говорит на всем протяжении своей статьи Кери. «Солон... не смог избежать того, что его провозгласили отцом демократии и даже отцом радикальной демократии, несмотря на то, что его тексты критикуют чрезмерные (как он их представляет) требования низших сословий...» (с. 111). Кери отмечает, что в афинских ораторских речах Солон упоминается гораздо чаще, чем любой другой крупный политический деятель. Второе место по количеству упоминаний занимает Фемистокл, но и он уступает Солону почти в три раза; что уж говорить о прочих — Мильтиаде, Аристиде, Кимоне, Перикле... Здесь, впрочем, мы хотели бы указать, что, в отличие от всех перечисленных, Солон являлся законодателем, причем его законы затрагивали сферу как публичного, так и частного права. Поэтому вполне естественно, что к ним апеллировали в судебных речах (упомяная при этом имя их автора, истинного или мнимого), а с какой бы стати было ораторам разглашать о Аристиде или Кимоне? Такое возможно было скорее в памятниках эпидейктического красноречия, каковых от классической эпохи дошло ничтожно мало²⁹.

Кери констатирует, что у некоторых ораторов Солон не фигурирует вообще (у Исея, Динарха, можно сказать, что и у Антифонта), у некоторых появляется реже, у других чаще, но чаще всего — у Демосфена (что, как справедливо формулирует автор, возможно, объясняется наилучшей в количественном плане сохранностью именно демосфеновских речей). Для ораторов, указывает исследователь, значимо только имя Солона, а не Солон как личность. Само упоминание овеянного авторитетом древности имени Солона как бы служило дополнительным аргументом в пользу тяжущегося. Был ли цитируемый закон действительно написан Солоном — это говорящего

²⁵ Ruschenbusch 1958, 399 ff.

²⁶ Ruschenbusch 1966; Martina 1968.

²⁷ Carawan 2013.

²⁸ Ср. Ehrenberg 1968, 68–69; Murray 1993, 184.

²⁹ Зато много дошло от эпохи «второй софистики», и вполне естественно, что, скажем, у Элия Аристиды постоянно появляется то Аристид, то Кимон.

отнюдь не интересовало. Даже в случае прямого цитирования мы не можем быть убеждены в аутентичности текста³⁰.

Статья К. Морган «Солон у Платона» (с. 129–150) касается темы, хотя и не часто обсуждавшейся, но все-таки и не совсем обделенной вниманием ученых³¹. Автор указывает, что в платоновских диалогах образ Солона эволюционирует, что их следует воспринимать как своего рода «лабораторию» (с. 129), в которой вырабатывался этот образ.

Солон присутствует у Платона как поэт, мудрец, законодатель и политик, что совершенно закономерно, поскольку ведь и сам Платон мыслил себя как сочетание всех этих «ипостасей» (хотя во всех них он состоял только в теоретическом плане, в отличие от «практика» Солона). Платон, помимо всего прочего, числил Солона среди своих родственников, и это тоже не могло не накладывать отпечатка на отношение первого к последнему (следует полагать, не без задней мысли именно Солону Платоном был приписан «миф об Атлантиде», при том, что на самом-то деле он, безусловно, был придуман самим Платоном).

В «Протагоре» Платона Солон — мудрец «лаконского стиля» (как, впрочем, и остальные представители круга «семи мудрецов», поскольку они формулировали свои мысли в кратких изречениях). В дальнейшем философ всё больше подпадает под солоновское влияние. «Есть все основания считать, что законы и конституция Солона (как они понимались в IV в. до н.э.) имели значительное влияние на Платона, когда он, в конце своей жизни, составлял двенадцать книг «Законов»» (с. 144). Бесспорно, нельзя утверждать, что законы Солона — главная модель для «Законов» Платона; более того, это очевидным образом не так, поскольку в указанном трактате Платон отчетливо артикулирует дорийские, спартано-критские корни своего утопического законодательства.

Подводя итоги, К. Морган делает важное замечание о том, что платоновский Солон контрастирует с аристотелевским. И тут мы как раз можем органично перейти к последней статье рецензируемого коллективного труда. Называется она «Солон в школе Аристотеля» (с. 151–160), а автором ее является не кто иной, как П. Родс. Достаточно досконально зная исследования этого выдающегося антиковеда современности (и даже имея честь быть лично знакомым с ним), автор этих строк вынужден с сожалением констатировать, что данная статья — не лучшая из его работ. Во-первых, несколько обманчивым оказывается название. В статье анализируются только упоминания Солона в трудах самого Аристотеля («Политика», «Никомахова этика», «Евдемова этика», «Риторика», а также «Афинская политика», которую, как известно, Родс не считает аутентичным аристотелевским сочинением³²). Мы-то ожидали встретить в статье (исходя из ее заголовка) также и разбор образа Солона в трудах других перипатетиков — Феофраста, Деметрия Фалерского, Фания Эресского и др. Но, не найдя в ней ничего подобного, решились написать собственную статью на эту тему³³.

Во-вторых, как нам показалось, Родс, ранее довольно жестко боровшийся с постмодернистами³⁴, ныне — по крайней мере, создается такое впечатление — отчасти сдал свои позиции, подчинившись «преобладающему потоку», или просто написал статью *pro forma* по просьбе коллег, поскольку, естественно, никто лучше него это сделать бы не смог. Подозреваем скорее второе. Приведем, для полноты, завершающий пассаж Родса: «Солон „Этик“ и „Риторики“ — часть общего знания афинян и греков. Политический Солон „Политики“ и „Афинской политики“, хотя был прочно укоренен в стихах и законах Солона, впервые вызвал интерес в ходе политических дебатов конца V в. до н.э. и продолжал вызывать интерес в многогранных политических дебатах IV в. до н.э. Именно это лежит в основе интереса, проявленного Аристотелем и его школой, которая определяла свою позицию в ведущихся дебатах тем, что доказывала — Солон не должен считаться основателем современной ей демократии, он не имел такого намерения и не предвидел, что вырастет на заложенных им основаниях» (с. 160). Здесь нам видится некое противоречие с данными такого ключевого источника, как «Афинская политика». В нем многие солоновские реформы определяются как демократичные (δημοτικὰ, Arist. Ath. pol. 10. 1) или даже «демократичнейшие» (δημοτικώτατα, Arist. Ath. pol. 9. 1).

³⁰ Есть, отметим, идея (Scafuro 2006), согласно которой многие законы Афин IV в. до н.э. принадлежат Солону если не по букве, то по духу, содержат некий солоновский «стержень».

³¹ В частности, недавно в США была защищена диссертация как раз на эту тему (Flores 2013).

³² Rhodes 1981, 39 ff.

³³ Surikov 2016.

³⁴ В общем плане см. Rhodes 2003, применительно конкретно к Солону см. Rhodes 2006.

Подведем итоги разбору книги. На самом деле перед нами тот редкий случай, когда труд, написанный группой ученых, действительно является коллективной монографией. А между тем сколь часто (в том числе и на Западе) в качестве таковых подаются просто тематические сборники статей. В данном же случае налицо не только общность рассматриваемой проблематики, но и определенное концептуальное единство. Как бы то ни было, работа, безусловно, является интересной, заслуживающей всяческого внимания и вносит значительный вклад в наше понимание ранней традиции о Солоне, — в первую очередь постольку, поскольку она в известной мере синтезирует данные, ранее предлагавшиеся к анализу в основном разрозненно.

Литература / References

- Almeida, J.A. 2003: *Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology*. Leiden.
- Ameduri, O. 1970–1971: L'Eunomia di Solone e le Eumenidi di Eschilo. *Annali della facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Napoli* 1, 31–46.
- Averintsev, S.S. 1965: [Observations on compositional technique of Plutarch in "Parallel lives" ("Solon")]. In: *Voprosy klassicheskoy philologii [Issues of classical philology]* 1. Moscow, 160–180.
- Аверинцев, С.С. Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон»). В сб.: *Вопросы классической филологии* 1. М., 160–180.
- Anhalt, E.K. 1993: *Solon the Singer: Politics and Poetics*. Lanham.
- Barta, H. 2011: "Graeca non leguntur"? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd II. *Archaische Grundlagen*. Teil 1–2. Wiesbaden.
- Blois, L. de 2006: Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 429–440.
- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Chiasson, C.C. 2016: Solon's Poetry and Herodotean Historiography. *American Journal of Philology* 137, 1, 25–60.
- David, E. 1984: Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens. *Museum Helveticum* 41, 3, 129–138.
- Dovatur, A.I. 1989: *Feognid i ego vremya [Theognis and his time]*. Leningrad.
- Доватур, А.И. *Феогнид и его время*. Л.
- Ehrenberg, V. 1968: *From Solon to Socrates*. London.
- Flores, S.O. 2013: *The Roles of Solon in Plato's Dialogues*. Diss. The Ohio State Univ.
- Hansen, M.H. 1989: Solonian Democracy in Fourth-Century Athens. *Classica et mediaevalia* 40, 71–99.
- Irwin, E. 2005: *Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation*. Cambridge.
- Lardinois, A.P.M.H. 2006: Have we Solon's Verses? In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 15–35.
- Lewis, J.D. 2008: *Solon the Thinker: Political Thought in Archaic Athens*. London.
- Manfredini, M., Piccirilli, L. 1977: *Plutarco. La vita di Solone*. Roma.
- Martin, R.P. 2005: Pulp Epic: The Catalogue and the Shield. In: R. Hunter (ed.), *The Hesiodic Catalogue of Women: Constructions and Reconstructions*. Cambridge, 153–175.
- Martin, R.P. 2006: Solon in No Man's Land. In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 157–172.
- Martin, R.P. 2007: Ancient Theatre and Performance Culture. In: M. McDonald, J. M. Walton (eds), *The Cambridge Companion to Greek and Roman Theatre*. Cambridge, 36–54.
- Martin, R.P. 2009: Read on Arrival. In: R. Hunter, I. Rutherford (eds.), *Wandering Poets in Ancient Greek Culture: Travel, Locality and Pan-Hellenism*. Cambridge, 80–104.
- Martin, R.P. 2015: Festivals, Symposia, and the Performance of Greek Poetry. In: P. Destrée, P. Murray (eds), *A Companion to Ancient Aesthetics*. Oxford, 17–30.
- Martin, R.P. 2016: Sappho, Iambist: Abusing the Brother. In: A. Bierl, A. Lardinois (eds), *The Newest Sappho*. Leiden–Boston, 110–126.
- Martina, A. 1968: *Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera*. Roma.
- Mossé, C. 1979: Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne. *Annales: économies, sociétés, civilisations* 34, 3, 425–437.
- Mühlh, P. von der 1942: Antiker Historismus in Plutarchs Biographie des Solon. *Klio* 35, 1/2, 89–102.
- Mülke, C. 2002: *Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar*. Leipzig.
- Murray, O. 1993: *Early Greece*. 2nd ed. London.
- Nagy, G. 2010: *Homer the Preclassic*. Berkeley.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.

- Newman, J.K. 1982: Pindar, Solon and Jealousy: Political Vocabulary in the Eleventh Pythian. *Illinois Classical Studies* 7, 2, 189–195.
- Nooussia, M. 2006: Strategies of Persuasion in Solon's Elegies. In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 134–156.
- Nooussia-Fantuzzi, M. 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden–Boston.
- Oliva, P. 1973a: Solon im Wandel der Jahrhunderte. *Eirene* 11, 31–65.
- Oliva, P. 1973b: Solon in der Darstellung der Komödie. *Graecolatina et orientalia*. 5, 25–33.
- Paladini, M.-L. 1956: Influenza della tradizione dei Sette Savi sulla "Vita di Solone" di Plutarco. *Revue des études grecques* 69, 377–411.
- Pötscher, W. 1987: Zwei wichtige Chorpartien aus dem Agamemnon des Aischylos (1331–1342 und 1560–1566) und Solons Musen-Elegie. *Grazer Beiträge* 14, 55–86.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2003: *Ancient Democracy and Modern Ideology*. London.
- Rhodes, P.J. 2006: The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 248–260.
- Ruschenbusch, E. 1958: ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. *Historia* 7, 4, 398–424.
- Ruschenbusch, E. 1966: *ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden.
- Ruschenbusch, E. 1994: Plutarch's Solonbiographie. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 351–380.
- Sagstetter, K.S. 2013: *Solon of Athens: The Man, the Myth, the Tyrant?* Diss. Univ. of Pennsylvania.
- Sauge, A. 2000: «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern.
- Scafuro, A.C. 2006: Identifying Solonian Laws. In: J. H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 175–196.
- Solon 2014: [Poems (translation from Greek and a commentary by I. E. Surikov)]. *Antiquitas aeterna* 4, 441–458.
- Солон. Стихотворения (перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова). *Antiquitas aeterna* 4, 441–458.
- Stanley, P.V. 1999: *The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen.
- Stehle, E. 2006: Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden–Boston, 79–113.
- Surikov, I.E. 2005: [Solon in Plutarch: Some problems of interpretation of the source]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 151–161.
- Суриков, И.Е. «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы. *ВДИ* 3, 151–161.
- Surikov, I.E. 2011a: *Oчерки ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Studies in Historical Writing in Classical Greece]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2011a: *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Surikov, I.E. 2011b: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobits [Ancient Greece: politicians in the context of the epoch. The time of internal strife]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2011b: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц*. М.
- Surikov, I.E. 2015: [Antiphon IX: Did Antiphon know Solon's laws?]. *Studia historica* 14, 25–45.
- Суриков, И.Е. Antiphon IX: Знал ли Антифонт законы Солона? *Studia historica* 14, 25–45.
- Surikov, I.E. 2016: [The Peripatetic School and the Shaping of Ancient Narrative Tradition on Solon]. *Mnemon* 16, 19–40.
- Суриков И.Е. Перипатетическая школа и формирование античной нарративной традиции о Солоне. *Мнемон* 16, 19–40.
- Surikov, I.E. 2017: [Solon and Greek intellectuals of the 5th century B.C.: evidences of non-existent sources?]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 277–295.
- Суриков, И.Е. Солон и греческие интеллектуалы V в. до н.э.: свидетельства источников, которых нет? *ВДИ* 2, 277–295.
- Tsagarida, I. 2006: *Solon – Begründer der Demokratie?* Bern.
- Zhmud', L. Ya. 1994: *Nauka, philosophiya i religiya v rannem pifagoreizme [Science, philosophy and religion in early Pythagoreanism]*. Saint Petersburg.
- Жмудь, Л.Я. *Наука, философия и религия в раннем пифагореизме*. СПб.

Igor E. Surikov,
Institute of World History, Russian
Academy of Sciences. Moscow, Russia
isurikov@mail.ru
Acknowledgements: Russian Foundation
for Humanities, No. 14-01-00018

И.Е. Суриков,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия